

Электронная библиотека
Гражданское общество в России

Ю. А. Красин

Главное – сохранять и расширять публичную сферу

Электронный ресурс

URL: http://www.civisbook.ru/files/File/Krasin_glavnoe.pdf

Перепечатка с сайта центра «Стратегия»
<http://strategy-spb.ru>

URL: <http://www.civisbook.ru>

Ю. А. Красин

Главное – сохранять и расширять публичную сферу

Прежде всего, я должен сказать, что очень удовлетворен сообщением О.Ю.Малиновой. В нем ясно и лаконично изложены основные концептуальные соображения относительно публичной политики. В принципе я согласен с представленной концепцией. Последние пять лет, выполняя обязанности координатора российско-канадского проекта по публичной политике, я ознакомился с обширной литературой по этой теме. Понятия публичной сферы и публичной политики являются предметом острых дискуссий. Много по этой теме написано Юргеном Хабермасом. Его трактовка этих понятий подвергается критике с разных сторон. В этих критических замечаниях немало рациональных зерен. Полемика не затухает, потому что эта тема непосредственно соприкасается с теми глубокими социально-политическими трансформациями, которые происходят в современном мире. Довольно сложно разобраться в этой теме, в тенденциях развития публичной сферы и публичной политики.

В России эти категории введены в научный оборот совсем недавно, уже в годы реформации. До сих пор нет согласия даже в определении основных понятий и в их толковании. Публичная политика трактуется вкривь и вкось без должного учета уже имеющихся наработок. [1] Поэтому весьма ценно, что в сообщении О.Ю.Малиновой удалось избежать упрощенного понимания публичной политики только как открытой политики. Кстати, открывая сегодняшнее заседание, А.Ю.Сунгуров говорил о «публичном», противопоставляя его «подковерному». Разумеется, «публичное» обладает свойством «открытости». Но к этому не сводится его суть. Антипод «публичного» не «закрытость», а «частное». Существует сфера частных интересов

индивидов или общественных групп. Но эти интересы сталкиваются и взаимодействуют. В любом обществе формируется публичное пространство, где выявляются некие общие интересы. Только в этом пространстве обретают смысл свобода и демократия. Это понимал уже И.Кант. В небольшой статье о просвещении, написанной в 1784 г., т.е. до Французской буржуазной революции, он говорил о «свободе во всех случаях публично пользоваться собственным разумом».[2] Немецкий философ видел в этом условии обеспечения свободы выбора и фактор просвещения людей (развития политической культуры, как мы сказали бы сегодня). Эта глубокая идея в корне отличается от нынешних представлений идеологов либертаризма (радикального либерализма), не способных видеть ничего, кроме частных интересов, и насаждающих культ частного эгоизма.

Второе достоинство концепции, изложенной в сообщении, - это четкая характеристика публичной политики как государственной. Ее просто не может быть без государства. Даже тоталитарные государства имеют свою публичную политику, претендующую на выражение публичного интереса и в какой-то мере его выражающую. Потому что смысл и историческое оправдание государству в том, что оно сублимирует публичный интерес из многообразия различающихся и даже несовместимых частных интересов, позволяя тем самым обществу консолидироваться, существовать и развиваться. Вряд ли при этом возможен некий идеал выражения чистого публичного интереса, охватывающего все это многообразие. Думаю, это невозможно в принципе, так как процесс аккумуляции общего из частного напоминает бурный водоворот, выбрасывающий наверх одни группы частных интересов (более сильные) и поглощающий другие (более слабые). Но какое-то приближение к идеалу возможно, и чем демократичнее государство, тем полнее оно представляет публичный интерес.

По этому вопросу были споры в секции по публичной политике на 3-м всероссийском конгрессе политологов. Некоторые говорили: нельзя допускать, чтобы государство было единственным субъектом публичной политики. Полагаю, это недоразумение. Государство – носитель публичной политики, но на ее формирование влияют и другие субъекты политического процесса. Степень этого влияния определяется тем, насколько артикулированы те или иные группы частных интересов, насколько активно их отстаивают организации гражданского общества. Публичная политика государства испытывает воздействие общественного

мнения. В нем Эмиль Дюркгейм видел важнейший индикатор демократии. Активность общественного мнения – показатель того, что общество размышляет. Чем больше размышлений в обществе, тем демократичнее государство, тем восприимчивей оно к импульсам, идущим от гражданского общества.

На этом, между прочим, построена идея так называемой «делиберативной демократии» - одного из главных направлений поиска западной общественной мыслью выхода из того кризиса, который переживают сегодня традиционные формы либеральной демократии. Суть делиберативной концепции в том, чтобы втянуть активное большинство общества в рефлексию относительно важнейших проблем публичной политики и создать механизмы использования результатов этой рефлексии в процессе принятия политических решений. У этой концепции много уязвимых мест, но все же она подсказывает путь к обновлению демократии.

Однако главная проблема заключается в том, что в современных условиях публичная сфера общественной жизни, т.е. публичная арена артикуляции и сопоставления разнообразных интересов и воззрений и формирования общественного мнения, превращается в объект манипуляций. Её содержание все более выхолащивается, и возникают сомнения, способна ли она вообще выполнять роль форума, на котором граждане могут свободно пользоваться публично своим разумом. Этому препятствуют новые технологии манипулирования общественным мнением.

Существует, правда, оптимистическая точка зрения. На одном из теоретических семинаров недавно был представлен доклад об «электронной демократии». В нем утверждалось, что современные средства коммуникации влекут за собой возрождение демократии, так как позволяют всем гражданам свободно обмениваться мнениями. На Западе это уже давно пройденный этап. Например, в трудах американского социолога Амитаи Этциони уже давно развеян миф о «теледемократии». Напротив, электронные средства коммуникации позволяют власти имущим создать громадный аппарат промывания мозгов. Гражданин превращается в атом, который не в состоянии противостоять этому огромному механизму манипулирования сознанием.

В то же время нет оснований соглашаться и с пессимистической точкой зрения, будто бы манипулирование закрывает дорогу к общественной рефлексии и демократия вообще обречена. Этот мотив

очень сильно прозвучал и на двух последних международных политологических конгрессах. На 18 Конгрессе в 2000 г. в Квебеке демократия прямо противопоставлялась корпоративизму. На заключительном заседании американский политолог Гильермо О’Доннелл высказал предположение, что XXI век будет, скорее, веком авторитаризма нежели демократии. А на 19-м Конгрессе, который проходил в этом году в Южной Африке, политологи констатировали, что оптимистические предсказания 80-х годов о быстрой демократизации стран, освобождающихся от авторитарных режимов, включая ЮАР, оказались иллюзией. Демократия не справляется с острыми социальными проблемами современности, и это благоприятствует росту авторитарных тенденций.

Возможно, вывод о непреодолимости авторитарного манипулирования обществом и выхолащивании демократического содержания из публичной сферы был бы правильным, если бы не одно важное обстоятельство. Сознание и поведение граждан определяются не только манипулированием сверху, но и реальными жизненными интересами, которые тоже побуждают их думать и действовать. Они могут оказаться в плену наваждений искусственно создаваемых виртуальных реальностей, но рано или поздно их жизненные интересы будут вступать в противоречие с манипулятивно навязанными концепциями, взглядами, нормами и моделями поведения. Каким бы сильным ни был эффект манипулирования с применением высоких технологий, в общественном мнении будет возникать все больше узлов таких противоречий, которые будут проецироваться в публичную сферу. Если у этих кластеров частных интересов найдутся еще интеллектуальные силы, способные артикулировать эти частные интересы, то дело демократии не так уж безнадежно. Надежды связаны с тем, что давлению сверху будут противодействовать импульсы снизу, влияющие на общественное мнение, и в интеллектуальной среде будут появляться люди, которые транслируют эти импульсы в публичную сферу.

Делая прогнозы, надо также принять в расчет масштабы происходящих перемен. Ведь мы живем в самом начале глубочайшего качественного перелома в истории человеческой цивилизации. Смысл этого перелома еще недостаточно ясен. Он еще не раскрылся в общественной практике. Пока прошло мало времени, чтобы делать окончательные выводы. Гегель справедливо отмечал, что сова Минервы вылетает в сумерки. Не накоплено еще достаточно опыта. Есть основания

для тревоги за судьбу демократии в России и мире, для мобилизации сил в ее защиту, но нет пока оснований для безысходного пессимизма и бездеятельности. Краткий период российской реформации надо поставить в систему координат целой исторической эпохи, которая, надо думать, не менее масштабна, чем эпоха Просвещения и великих буржуазных революций. Там тоже были периоды «откатов» и отступлений.

Самой важной задачей сегодняшнего дня мне представляется сохранение в российском обществе публичной сферы как основного механизма демократической рефлексии. Сейчас у нас существует значительное число площадок публичного дискурса своего рода минипубличных сфер. В западной литературе встречается употребление этого понятия во множественном числе – «публичные сферы». Беда в том, что они разделены барьерами. Это как бы ниши, обитатели которых не хотят не только протянуть руку соседям, но и не хотят даже их слушать. Одни называют себя либералами, другие социалистами, третьи патриотами. Общение идет в замкнутом кругу единомышленников. Ниши уподобляются лейбницовским монадам, наглухо изолированным от внешнего мира. Это, кстати, явная дань постмодернизму. Вспомним утверждение Ж.-Ф.Лиотара о том, что в современном мире разные группы людей ведут разные игры на разных языках. Защита и развитие публичной сферы требуют изменить положение дел. Надо разбивать эти барьеры и расширять публичный дискурс, несмотря на то, что некоторые позиции не нравятся. Но ведь они имеют какие-то корни, надо это тоже понять. Ответственность за решение этой задачи несет, прежде всего, интеллектуальная элита страны.

1. См.Красин Ю.А. Публичная сфера и публичная политика. Российские проблемы, «Россия в условиях трансформации», Вестник Фонда развития политического центразма. Вып. № 25, М., 2002.

2. Кант И. Соч., т.6, М., 1966, с.29.